

ТРОЯНКИ

Перевёл с древнегреческого Вланес

ПОСЕЙДОН

Пришёл я, Посейдон, из терпких вод эгейских,
где в синей глубине танцуют Нереиды,
следы прекрасных ног узорами сплетая.
С тех пор, как Феб и я вокруг земли троянской
ряд башен каменных при помощи отвеса
до неба возвели, я никогда не вспомнил
фригийский город мой без ласковой приязни.
Теперь дымится он и под копьём аргивским,
разрушенный, лежит. Один парнасский житель,
фокидский муж, Эпей, наученный Палладой,
соорудил коня, наполненного ратью,
и городу вручил смертельную награду,
поэтому тот конь, в себе носивший копьё,
от смертных получил название «копейный».
Нет в рощах никого, а из чертогов божьих
ручьями льётся кровь. У алтаря Зевеса,
хранителя домов, Приам лежит убитый.
Ахейцы золото, фригийские доспехи
относят на суда и ждут благого ветра,
но целых десять раз поля зерном засеют,
пока детей и жён обнимут эти греки,
пришедшие с войной на город мой любимый!
Я Герой побеждён, аргосскою богиней,
сражён Афиною, помогшей бить фригийцев!
Прощай, мой славный дом, богатый алтарями!
В пустынном городе любая вера гибнет
и нет почтения к божественным обрядам!
Рыдают пленницы на берегу Скамандра,
где им по жребию хозяев назначают
и присуждают их аркадцам, фессалийцам,
сынам Тесеевым, вождям земли афинской.
Троянки знатные, которых не раздали,
находятся в шатре, награда полководцам.
Дочь Тиндареева, лаконская Елена,
такой же пленницей считается по праву,
А если ищешь ты несчастную Гекубу,
у городских ворот найдёшь её лежащей,
надрывно плачущей и много, и по многим.
Её родную дочь, бедняжку Поликсену,
тайком зарезали над гробом Ахиллеса.
Мертвы Приам с детьми. Безумную Кассандру,
не знавшую мужчин по воле Аполлона,
царь Агамемнон взял на нечестивом ложе,
презрев и божество, и благопочитанье!

Прощай же, город мой, когда-то полный счастья,
и гладкий камень стен! Дочь Зевсова, Паллада,
тебя разрушила! Иначе ты стоял бы!

АФИНА

Позволено ли мне с ближайшей отчей кровью,
с великим божеством, со светочем бессмертных,
забыв про нашу рознь, поговорить смиренно?

Пос. Вполне позволено, ведь родственные связи
Афина-госпожа, не слабо греют сердце.

Аф. Благодарю тебя за ласковое слово.
Есть дело, господин, во благо нам обоим.

Пос. Ты эту весть несёшь от некоего бога?
От Зевса, может быть? От силы послабее?

Аф. Нет, ради Трои я, вот этой, где мы ходим,
пришла тебя просить со мною потрудиться.

Пос. Как это понимать? Вражду свою отбросив,
ты начала жалеть тобой сожжённый город?

Аф. Сначала отвечай: ты мне пойдёшь навстречу
и пожелаешь ли того, что я желаю?

Пос. Да, разумеется. Но ты скажи мне правду,
на чьей ты стороне? Ахейской ли? Фригийской?

Аф. Хочу порадовать былых врагов, троянцев,
и горький путь домой дать армии ахейской.

Пос. Зачем из крайности бросаешься ты в крайность,
то ненавидишь их, то любишь непомерно?

Аф. Ты знал, как мне дерзят? Как весь мой храм разграблен?

Пос. Я знаю, что Аякс насильно взял Кассандру.

Аф. Ахейцы же совсем его не наказали!

Пос. Но ты сама дала им власть над Илионом!

Аф. Вот я и зла на них! Мы вместе их раздавим!

Пос. Ну ладно, я с тобой. А что ты будешь делать?

Аф. Я невозвратное пошлю им возвращенье!

Пос. На суше или там, в солёной толще моря?

Аф. Когда они домой пойдут из Илиона,
Зевс ливень вызовет, и град невероятный,
и мрачные ветра из тёмного эфира!
Он молнии свои мне жалует на время,
чтоб пламенем хлестать по кораблям ахейским!

А ты заставь реветь эгейскую пучину
тройными волнами, крутиться терпким жерлом,
наполни трупами пустой залив эвбейский,
чтоб уважительно ахейцы относились
к моим святилищам и всех богов ценили!

Пос. Я так и сделаю. Подобная услуга
не требует речей. Я вспеню вал эгейский!
Я остров Микonos, делийские утёсы,
и Скирос каменный, и величавый Лемнос,
и Каферейский мыс утопшими покрою!
Лети же на Олимп, и громовые стрелы

возьми из рук отца, и жди, пока ахейцы
 всей армией начнут отвязывать канаты.
 Глупец, кто города и храмы разрушает,
 и усыпальницы, священный дом умерших.
 Он пустошь создаёт и сам в ней погибает!

ГЕКУБА

Встань же, бедная! Голову вверх от земли!
 Шею вверх! Это место – не Троя уже,
 я уже не царица троянских твердынь!
 С переменчивым роком ты просто смиришь
 и плыви по течению, плыви по судьбе,
 судно жизни своей на волну не веди,
 ты и так улетаешь по воле ветров!
 Ай-ай-ай! Ай-ай-ай!
 Что мне, бедной, осталось, как не горевать?
 Уничтожены родина, дети, супруг!
 Слава предков моих! Словно парус морской
 укорочена, ты превратилась в ничто!
 Что мне пользы молчать? Что мне толку кричать?
 Или жалобно петь?
 Как мне плохо! Затёкшее тело болит!
 Я сама не своя! Как мне тяжело лежать,
 приминать эту жёсткую землю спиной!
 Голова вся горит! И стреляет в висках!
 Тянет, ломит в бок! Страсть как хочется мне
 распрямить позвоночник и, словно корабль,
 с боку на бок всем телом качаться весь день
 под печальные звуки струящихся слёз!
 Для страдальцев и крик, и стenanье, и плач –
 тоже музыка, пусть и не вторит ей хор!

Корабли остроносые, как вы неслись
 к Илиону священному, пеня веслом
 багрянистую хлябь, мимо тех берегов,
 где элладским судам так привольно стоять,
 под пэан ваших флейт, ненавистный душе,
 под приятный напев сладкозвучных сиринг!
 Вы бросали на берег плетённый канат,
 плод работы искусных египетских рук –
 ай-ай-ай! – прямо в гаванях Трои моей,
 начиная жену Менелая искать!
 Этой тварью и Кастор повержен в позор,
 и Эврот посрамлён до скончанья веков,
 и загублен Приам,
 породивший полсотни прекрасных детей!
 А убитую горем Гекубу, меня,
 ветер выбросил грубо на берег беды!
 Посмотри, как приходится мне восседать
 у шатров Агамемнона! Вот где мой трон!

Престарелой рабой
 я покину мой дом, источая печаль
 и белея бритой моей головой!
 Жёны бедные меднокопейных бойцов,
 с Троей встретивших смерть,
 вы, невесты, познавшие горестный брак,
 зарыдайте со мною! Сгорел Илион!
 Я, как мать ненаглядных пернатых птенцов,
 начинаю истошно над ними кричать,
 а ведь с песней иной
 опираясь на посох Приама-царя,
 я вела гимн богам и ударом ноги
 отбивала для хора фригийский размер!

ПОЛУХОРИЕ ПЕРВОЕ

Что кричишь ты, Гекуба? О чём говоришь?
 Что ты хочешь сказать? Слышно даже в шатре,
 как ты жалобно стонешь, как жутко кричишь!
 В сердце бедных троянок вселяется страх,
 и в шатре неустанно рыдают они
 над неволей своей!

Гек. Ах, родные! Уже на ахейских судах
 начинают движение руки гребцов!

Пол. Что мне делать? Скажи, как поступят со мной?
 Увезут ли по морю от милой земли?

Гек. Я не знаю, но мы несомненно в беде!

Пол. Боже мой! Боже мой!

Ах, троянки несчастные! Вашей беды
 скоро голос раздастся: «Эй, прочь из шатров!
 Аргивяне отправятся скоро домой!»

Гек. Э! Э!

Я прошу об одном:
 не давайте безумной Кассандре опять
 выходить из шатра,
 чтоб смеялись над ней
 аргивяне и множили муки мои!
 Боже мой! Боже мой!
 Троя, Троя! Ты пала! Тебя больше нет!
 Горе всем, кто расстанется ныне с тобой!
 И живые, и мёртвые – горе вам всем!

ПОЛУХОРИЕ ВТОРОЕ

Ах, беда! Вся дрожа, я ушла из шатра
 Агамемнона, чтобы сказала ты мне,
 как со мною, царица, несчастной рабой,
 аргивяне поступят, убьют или нет!
 Поднялись ли уже моряки на корму,
 чтобы вёсла в движение вновь привести?

- Гек. Ты не мучься так, милая! Духом воспрянь!
 Пол. Я к тебе прибежала, от страха дрожа!
 К нам данайский глашатай уже приходил?
 Для кого я, несчастная, буду рабой?
- Гек. Скоро бросится жребий. Недолго нам ждать.
 Пол. А-а! А-а!
 Аргивянин ли, фтиец ли схватит меня,
 горемычную девушку, и увезёт
 на какой-нибудь остров из Трои моей?
- Гек. Боже мой! Боже мой!
 Кто старуху возьмёт?
 Где же, где же мне быть горемычной рабой?
 Я же трутень, я только по виду жива,
 а на деле я труп,
 мёртвый образ, летящий уже в пустоту!
 Ай-ай-ай! Ай-ай-ай!
 Мне придётся теперь сторожить у ворот,
 беспросветно смотреть за чужими детьми,
 мне, великой царице троянских земель!
- Хор Ай-ай-ай! Ай-ай-ай! Ты какие слова
 подберёшь, чтоб оплакать несчастье своё?
 Я уже не смогу сквозь идейскую ткань
 продевать неуёмный, проворный челнок!
 На прощанье взгляну я на мёртвых детей,
 на прощанье! Лишь горшая боль впереди,
 разделю я с каким-нибудь греком постель
 (проклинаю и ночь, и такую судьбу!),
 или жалкой рабыней, кувшин волоча,
 к благодатной Пирене приду за водой.
 Оказаться бы мне в той счастливой стране,
 где потомки Тесеевы мирно живут,
 никогда бы не видеть бурлящий Эврот,
 ненавистной Елены безрадостный дом,
 и не стать Менелаю покорной рабой,
 негодяю, сгубившему Трою мою!
- Дом Пенея, богами обласканный край,
 окаймивший Олимп неземной красотой!
 Я слыхала, как роскошью он отягчён,
 как обильно цветёт и приносит плоды!
 Мне туда бы попасть, если нет мне пути
 к славным детям Тесея, в божественный град!
 Я слыхала, что Этна, Гефестова высь,
 обращённая вдаль, к финикийской земле,
 мать холмов сицилийских, за доблестный дух
 награждает венками храбрейших бойцов!
 Есть другая земля. Если морем поплыть
 Ионийским, то близко увидишь её,
 там прекраснейший Кратий обильно течёт,

крася светлые волосы в огненный цвет,
и питает священной, чистейшей водой
эту землю, плодящую храбрых людей!

Вот идёт из данайского войска посол,
долгожданный податель новейших вестей!
Как спешит он, гляди! Как проворно идёт!
Что несёт он? Что скажет? Отныне мы все
лишь рабыни далёкой дорийской земли!

ТАЛФИБИЙ

- Гекуба, это я. Ходил я часто в Трою,
нося известия от армии ахейской.
Талфибий. Помнишь ли? Мы хорошо знакомы.
Сегодня, женщина, пришёл я с вестью новой.
- Гек. Милые! Вот этого боялась я!
Тал. Боялись вы судьбы? Оставьте. Жребий брошен.
Гек. Ай-ай! Куда?
В град фессалийский? Скажи!
Во Фтию? Во власть кадмейской страны?
- Тал. Вы были отданы не одному, но многим.
Гек. Кому же? С какой троянкой судьба
легко обошлась?
- Тал. Я знаю, но спроси о каждой врозь, не вместе.
Гек. Скажи мне, кто
Кассандру мою несчастную взял?
- Тал. Её забрал себе властитель Агамемнон.
Гек. Чтобы собственной лакедемонской жене
дать рабыню? Ах, боже! Сплошная беда!
- Тал. Не так. Ей нужно стать наложницей внебрачной.
Гек. Но Феб золотой, кудрявый наш бог,
ей сам преподнёс безбрачия дар!
- Тал. Любовь к пророчице в царя стрелой вонзилась.
Гек. Связку ключей освящённых,
доченька, выбрось! И с тела
сдёрни гирлянды прекрасные!
- Тал. Не высшая ли честь – лежать с царём в постели?
Гек. А младшую дочь куда увели?
Ах, горе!
- Тал. О ком ты говоришь? О юной Поликсене?
Гек. Её с кем жребий связал?
Тал. Она приставлена к могиле Ахиллеса.
Гек. Ах, боже! Я мать могильной рабы!
Закон ли, обычай велит,
чтоб греки творили подобное?
- Тал. Порадуйся за дочь. Она счастливой стала.
Гек. Ты о чём?
Солнечный свет она видит ли?
- Тал. Ей выпала судьба, свободная от горя.
Гек. А что стало с Андромахой, женою Гектора,

- одетого в медь? Бедняжка-то где?
 Тал. И эту взял себе достойный сын Ахилла.
 Гек. А чьей же я буду слугой? Я хожу ведь с посохом,
 как с третьей ногой, в дрожащей руке?
 Тал. Тебя взял Одиссей. Поедешь на Итаку.
 Гек. Э! Э!
 Стучи по бритой голове!
 Щёку двустворчатую рви ногтями!
 Ах, боже мой!
 Хитрецу богомерзкому должна я стать рабой,
 крушителю прав, преступной змее,
 он повернёт всё вокруг туда-сюда,
 всё перетолкует своим двояким языком,
 к любимым вещам внушит нелюбовь!
 Рыдайте по мне, троянки мои!
 Вот и конец мне пришёл!
 Мне жребием несчастнейшим
 беда суждена!
- Хор Ты знаешь, госпожа, своей судьбы решенье.
 А нас-то кто возьмёт, ахеец или эллин?
 Тал. Ну всё. Рабы, вперёд! Кассандру приведите!
 Да поскорее же! Я должен, полководцу
 доставив девушку, немедленно заняться
 распределением и прочих знатных пленниц.
 А! Что горит внутри? Чей факел там пылает?
 Что делают они? Шатёр зажгли троянки,
 когда услышали, что их решили в Аргос
 отсюда увезти? Они горят желаньем
 отведать пламени? Свободным людям тяжело
 на шею надевать ярмо больших несчастий!
 Эй, вы! Откройте дверь! Я в деле, им полезном,
 ахейцам горестном, не буду виноватым!
 Гек. Да не горит никто! Вон дочь моя, Кассандра,
 безумная душа, из дома выбегает!

КАССАНДРА

Дай света! Факел вверх! С молитвой озарю –
 смотри! смотри! –
 лампадами храм! Ах, царь Гименей!
 Как мой супруг блажен!
 Блаженна и я, женой становясь
 властителю аргосскому!
 Ах, Гимен, Гимен! Господин!
 Пока ты, мать, вся таешь в слезах,
 по мёртвому отцу, по родине стенаешь
 родной, потерянной навек,
 на свадьбе собственной сама
 лучистый факел я зажгу,
 и блеск, ласкающий глаза,

отдам тебе я, Гименей,
отдам, Геката, и тебе
в целомудренном браке,
как велит закон!

Танцуй! Стучи ногой! Веди, веди свой хор! —
эван! эвой! —
как в лучшие дни, ещё при отце!
Священен хоровод!
Приди, Феб, ко мне! Я в лаврах твоих,
в твоём я храме жертвую!
Ах, Гимен! Гимен! Гименей!
Танцуй же, мать! Танцуй же со мной!
Кружиться начинай! Поставим ноги рядом!
Стреми великолепный шаг!
Приветствия кричи, кричи!
Венчальным гимном пожелай
невесте счастья и любви!
Фригийки в платьях золотых,
прославьте звонким гимном брак
с превосходным супругом,
посланным судьбой!

Хор	Царица, удержи неистовую дочь, иначе лёгкий шаг умчит её к аргивцам!
Гек.	Гефест! У нас, людей, на свадебных пирах ты носишь факелы, но стал огонь твой скорбным. Вот крах больших надежд! Какой удар, дитя! Я и не думала, что под копьём аргосским ты будешь праздновать свой окаянный брак! Дай факел! Это стыд в руке твоей пылает! Больна ты, доченька, и в беготне своей всё разум не найдёшь, безумной оставаясь. Долой же факелы! Троянки, вы теперь все песни брачные на слёзы обменяйте!
Кас.	Ты, мать, венчай меня венком победоносным! Порадуйся тому, что я царицей буду! Веди меня к царю! Когда же запрямлюсь, толкай меня вперёд! И если светит Локсий, то приобрёл жену страшной любой Елены ахейских армий вождь, наш славный Агамемнон! Я погублю его, дворец его разграблю в отместку за отца и драгоценных братьев! Теперь молчание! Не воспою секиру, готовую и мне, и прочим взрезать шею, и казнь той матери, которую погубит моё замужество, и крах семьи Атрея! Я лучше докажу, что город наш блаженней ахейских городов. Хоть я теперь беснуюсь, но приостановлю безумие вакханки.

Из-за одной жены, из-за одной Киприды
 погибли тысячи, охотясь на Елену!
 Военачальник их в погоне за враждебным
 любимое сгубил, покинул дом счастливый,
 забыл своих детей из-за супруги брата,
 похищенной, заметь, охотой, а не силой!
 Как только вышел враг на берега Скамандра,
 то начал погибать – не за свои границы
 и не за дом родной в кольце высоких башен!
 Кого забрал Арес, детей своих не видит,
 ладонями жены он в пепелос не завёрнут,
 но спит в чужой земле. Всё горестно и дома,
 там вдовы старятся, там старики бездетны,
 взрастившие детей на службу незнакомцам,
 и некому полить могилы тёплой кровью.
 Такой вот похвалы их армия достойна.
 На мерзости её не буду тратить голос
 и музу принуждать злодейство гимном красить.
 За родину свою троянцы погибали,
 вот слава лучшая! Кто был копьём пронизан,
 того несли друзья к дверям родного дома,
 в земле отечества покоится погибший,
 обряжен по-людски, прилежными руками.
 Бойцы фригийские, что в битве уцелели,
 шли вечером домой, к жене, к любимым детям,
 но этих радостей не ведали ахейцы.
 Ты убиваешься по Гектору? Но слушай!
 Он удалился в смерть, покрытый вечной славой
 благодаря вот им, захватчикам ахейским.
 Не напади враги, он умер бы безвестным!
 Парис твой был женат на дочери Зевеса!
 Брак с местной девушкой протёк бы незаметно.
 Разумный человек желать войны не станет,
 но если враг пришёл, венцом достойной смерти
 украсит город свой! А трус умрёт бесславно.
 Не надо родину оплакивать, родная,
 и мой несчастный брак. Я скопище злодеев,
 нам ненавистнейших, тем браком уничтожу!
 Над бедами семьи так сладко ты смеёшься,
 поёшь пророчества – нелепые, быть может!
 Когда бы Аполлон твой разум не расстроил,
 не безнаказанно бы наших полководцев
 такими песнями домой ты провожала!
 Но и глубокий ум, снискавший уваженье,
 порой не отличить от полного безумства.
 Великий человек, властитель всей Эллады,
 Атреев лучший сын – и так позорно в сети
 к менаде угодил! Хоть я довольно беден,
 я эту женщину не приводил бы в спальню!
 Ты сумасшедшая, и пусть уносит ветер

Хор

Тал.

упрёки Аргосу и похвалы фригийцам!
 Я позабуду всё. Иди за мной на пристань,
 чудесная жена большого полководца!
 А ты потом пойдёшь, как скажет сын Лаэртгов.
 Рабыней будешь ты у женщины достойной,
 все это говорят, кто в Илион приехал.
 Как ловок этот раб! Откуда честь такая
 посланцам всяческим? Ведь люди ненавидят
 приспешников царей, прислужников народных!
 Ты только что сказал, что в доме Одиссея
 жить будет мать моя? А речи Аполлона?
 Он объясняет мне, как верный толкователь,
 что мать погибнет здесь. Ни слова о позорном!
 Несчастный человек не знает бед грядущих!
 Мои страдания и горести фригийцев
 он золотом сочтёт! К десятилетней бойне
 прибавив десять лет блужданий безутешных,
 вернётся он домой, <с трудом избегнув смерти>
 там, где двойной пролив сжимается камнями
 Харибды бешеной. С пещерным людоедом,
 Киклопом, встретится и с Киркой лигурийской,
 ваяющей свиней. Крушеньё в море терпком,
 влеченье к лотосам, священные коровы.
 Их мясо Гелиос, пугая Одиссея,
 заставит замычать. Рассказ теперь закончу:
 живым сойдя в Аид, избегнув бездны моря,
 он море новых бед найдёт в своём же доме.

Кас.

Но зачем я возвещаю Одиссеевы мытарства?
 Ты веди меня скорее к жениху, в Аид, венчаться!
 Подлеца зароят подло, даже и не днём, а ночью,
 мнящего себя героем предводителя данайцев!
 А меня, раздетой, мёртвой, выбросят в овраг, шипящий
 водами дождей осенних, около могилы мужа,
 чтобы звери растерзали тело жрицы Аполлона!
 Ленты сладостного бога, украшения вакханки,
 вы прощайте! Кончен праздник, приносивший столько счастья!
 Вас теперь срываю с плоти, ныне девственной и чистой,
 пусть несёт вас быстрый ветер! Принимай их, царь вещаний!
 Где же судно полководца? Как мне на него подняться?
 Эй, вперёд! Не нужно медлить! Паруса наполни ветром
 и одну из трёх Эриний увози скорей отсюда!
 Мать, прощай! Не надо плакать! О, родимая отчизна!
 Братья, ждите под землёю! Жди, отец, нам солнце давший!
 Скоро с вами я увижусь! Я приду с победой к мёртвым,
 уничтожив дом Атридов, от которых мы погибли!

Хор

Вы, стражницы седой Гекубы! Не видали,
 что госпожа без слов на землю повалилась?
 Вам лень её держать? Вы бросите, злодейки,
 старуху на земле? Давайте, поднимайте!

Гек.

Оставьте, девушки! Не милы ваши ласки!

Ах, дайте полежать! В падении вся ценность
 мучений нынешних, и прошлых, и грядущих!
 О, боги! Что я вам, союзникам прескверным!
 Но есть какой-то смысл в божественных молитвах,
 когда молящего уничтожает горе.
 Сначала воспою моё былое счастье,
 чтоб к бедам нынешним скорее вызвать жалость.
 Я рода царского, и я была царицей,
 я мужу родила детей великолепных,
 гордясь не их числом, но славой меж фригийцев.
 Ни в странах варварских, ни в Трое, ни в Элладе
 никто из матерей такой хвалы не стоит!
 Всех сыновей моих поубивали греки,
 я локоны мои носила на могилы.
 Приама, их отца, не вслед чужим рассказам
 оплакивала я, но был зарезан муж мой
 на этих вот глазах пред алтарём домашним,
 когда наш город пал! А дочерей, рождённых
 для лучших женихов, для избранных замужеств,
 подонки пришлые из рук моих забрали!
 Никто из дочерей меня уж не увидит,
 и я не посмотрю на девочек родимых!
 Но в довершение всех бедствий, всех несчастий
 рабыней дряхлую прибуду я в Элладу.
 Трудом, негоднейшим для старости печальной,
 замучают меня, мать Гектора-героя,
 ворота сторожить, ключи носить заставят,
 а то и хлеб месить, и сморщенной спиной
 ложиться на земле, а не в постели царской!
 Как стыдно променять роскошные одежды
 на ветошь грязную, на жалкие лохмотья!
 Ах, я несчастная! За брак одной из женщин
 как настрадалась я, и выстрадаю сколько!
 Кассандра! Дочь моя, вакханка в танцах божьих!
 Среди каких невзгод ушла твоя невинность!
 И ты, страдальца! Ты где же, Поликсена?
 Я столько родила и дочерей прекрасных,
 и славных мальчиков! Кто мне поможет, бедной?
 Что поднимать меня? Какой надеждой тешить?
 Меня, ступавшую с достоинством по Трое,
 ведите в рабский плен, к соломенной подстилке,
 к подушке каменной! Упасть хочу, погибнуть,
 рыданьем изойти! Пусть ни один из смертных
 счастливец не слывёт, пока не ляжет в землю!

Хор

Ты мне воспой Илион,
 Муза, новым гимном,
 и пусть в слезах растворится твоя погребальная песнь!
 Я с тобой буду петь о возлюбленной Трое!
 Из-за четвероногой повозки

захватили меня аргосцы, горемычную!
Коня, бряцавшего в лазурь
смертельной сбруей золотой,
ахейцы подвели к вратам,
народ же громко закричал
с троянской каменной стены:
«Вперёд! Закончим славный труд!
Да примет этого коня
дочь Зевса в илионский храм!
И кто же не покинул дом
из девушек и стариков?
Ликуя, с песней, вышли мы
к нашей беде коварной!

Сразу фригийский народ
бросился к воротам,
сосной с горы, древотёсной засадой аргивских бойцов
и данайской бедой славя деву, богиню
в колеснице коней вековечных.
Дар наш пряженым льном, как остов судна чёрного,
опутав, мы поволокли
в Палладин каменный покой,
где будет литься наша кровь.
Закончились и труд, и пир,
окутал землю мрак ночной,
сплелась ливийская свирель
с напевом Фригии родной,
с биеньем юных женских ног,
и хор так радостно звучал,
и в окна лился чистый свет,
где меркло пламя очагов
и засыпали люди.

Молясь прекрасной деве гор,
я танцевала во дворе
и песней славила простой
дочь Зевса, но кровавый крик
Пергам встряхнул и разбудил,
там дети милые, дрожа,
тянулись к пеплосам своих
оторопелых матерей,
а из засады шёл Арес
Палладу бойней веселить.
Из спален, гулких и пустых,
текли фригийцы к алтарям,
где головы рубили им,
а девушек, венец войны,
элладским семенем гнели
к печали Фригии родной!

Андромаху ты видишь? Гекуба, смотри!
 Проезжает она в колеснице чужой!
 К воздымающейся материнской груди
 припадает сын Гекторов, Астианакт!
 И куда же ты едешь в повозке такой,
 погружённая в скорбь,
 вместе с медью доспехов, что Гектор носил,
 и оружием фригийцев, убитых в бою?
 Сын Ахилла, во Фтию из Трои придя,
 будет храмы добычей такой украшать!

АНДРОМАХА

Ахейцы-господа меня теперь увозят!
 Гек. Ах, боже! Анд. Почему ты мой пзан стенаешь?
 Гек. Ах, горе! Анд. Как я исстрадалась!
 Гек. Зевс, где ты? Анд. Что за груз несчастий!
 Гек. Ах, дети! Анд. Все мы в прошлом!

Гек. Нет больше радости, нет больше Трои нашей
 Анд. несчастной! Гек. Где же вы, прекраснейшие дети?
 Анд. Ах, тяжело! Гек. Как дышать мне тяжело
 Анд. от горя! Гек. Как судьба сдавила
 Анд. наш город! Гек. Всё дымится!

Анд. Приди ко мне, любимый муж!
 Гек. Ты из Аида, бедная,
 сына зовёшь моего!
 Анд. Защитить супругу!

Анд. Ты, пагуба ахейских войск!
 Гек. Ты, старший из моих детей,
 сын и Приаму, и мне!
 Анд. Дай мне сон Аидов!

Анд. Эта громада скорбей... Гек. Мы раздавлены горем, бедняжка!
 Анд. Город разрушен родной... Гек. На страданья ложатся страданья!
 Анд. Горестной волей богов уберётся твой сын от Аида,
 ради злосчастной жены он разрушил троянскую крепость,
 холм окровавленных тел вырастает у храма Паллады,
 коршуны кормятся там, и ярмом окольцована Троя!

Гек. Родина, бедный мой край... Анд. Я рыдаю, тебя покидая...
 Гек. ... жалкий приходит конец! Анд. ...и мой дом, где я матерью стала!
 Гек. Дети, покинет вас мать, потерявшая город любимый!
 Только стенанья и плач <наполняют усталое сердце,>
 слёзы струятся к слезам, <чернокрылая скорбь залетает>
 в наши родные дома, где лишь мёртвые боль позабыли!

Хор Как слёзы сладостны для тех, кто стал несчастным!
Какая музыка в рыданиях и плаче!

Анд. Скажи, мать Гектора, который тьму аргосцев
копьем поубивал, ты видишь ли всё это?

Гек. Я вижу блажь богов, поднявших выше неба
ничтожество и мразь, а золото поправших!

Анд. Меня и мальчика в добычу превратили,
кровь благородная польётся в рабских венах!

Гек. Меч неизбежности! Сейчас мою Кассандру
отняли у меня и увели насильно!

Анд. Ах, боже мой!
Теперь, мне кажется, второй Аякс явился
за дочерью твоей, но есть и горше беды.

Гек. Да, беды без числа, без всякого предела!
Зло борется со злом, стремясь к венцу победы!

Анд. Убили дочь твою над гробом Ахиллеса,
бездушный вражий труп владеет Поликсеной!

Гек. О, горе-то моё! Так вот о чём Талфибий
мне намекал тогда неясными словами!

Анд. Я видела её, сошла я с колесницы,
покрыла мёртвую, и грудь себе разбила.

Гек. Ах, доченька моя! Преступное закланье!
Ах, горе горькое! Как страшно ты погибла!

Анд. Да, гибель гибелью, но эта участь лучше,
счастливее моей, приговорённой к жизни.

Гек. Ты жизнь не сравнивай, родимая, со смертью,
последняя – ничто, а в первой есть надежды.

Анд. Родительница, мать! Прекраснейшее слово
услышь, и я твой дух отрадой напитаю!
От нерожденья смерть едва ли отличима,
и лучше умереть, чем прозябать в печали.
Кто бедствия познал, тот в смерти всё забудет,
но тот, кто был блажен и пал в пучину скорби,
блуждает памятью вокруг бывшего счастья.
А дочь твоя теперь, как будто не рождавшись,
исчезла полностью и бед своих не помнит.
Я славно метила, и поражала цели
невероятные, но в счастье не попала.
Всем, что считается трудом жены достойной,
я в доме Гектора прилежно занималась.
Во-первых, знала я, что на замужних женщин,
и добрых, и дурных, немало грязи льётся
за нежелание сидеть всё время дома,
и я сидела там, забыв о развлечениях,
и всяческих подруг, остроязыких сплетниц,
не приглашала в дом, но собственный рассудок
мне был учителем, и мне его хватало.
Язык мой отдыхал в присутствии супруга,
а взор спокоен был. Я превосходно знала,
как и одерживать, и уступать победу.

Но вести обо мне дошли до сил ахейских,
 сгубив меня совсем. Когда меня схватили,
 то Ахиллесов сын решил на мне жениться,
 и вот, мне быть рабой в семье убийцы мужа!
 Когда забуду я о Гекторе любимом
 и мужу новому своё раскрою сердце,
 то мёртвого предам, когда же я отвергну
 супруга этого, то разозлю хозяев.
 Хотя и говорят, что после первой ночи
 стирается в душе всё отвращенье к мужу,
 противна мне вдова, забывшая супруга
 для брака нового с уже другим любимым!
 И в сердце лошади, от пары отпряжённой,
 к привычному ярму теряется охота,
 а ведь животные глупы, и бессловесны,
 и уступают нам по качествам природным!
 Ты, милый Гектор мой, во всём был идеален,
 умён и родовит, богат и так бесстрашен!
 Меня нетронутой из рук отца ты принял,
 то был твой первый брак, и с девственной женою,
 теперь же ты погиб, а я плыву в Элладу
 несчастной пленницей, носить ошейник рабский!
 Не видишь разве ты, что мёртвой Поликсене
 досталось меньше бед? Зачем по ней ты стонешь?
 Во мне последнего, что подкрепляет смертных,
 надежды даже нет, и я свой ум не тешу
 мечтой о будущем, хотя мечтать приятно.
 Ты страждешь, как и я! Скорбя о личном горе,
 ты мне напомнила и о моих несчастьях!
 Я на корабль ещё ни разу не всходила,
 однако знаю я картины и рассказы.
 Когда случается умеренная буря,
 с ней бьются моряки, надеясь на спасенье,
 кто крепко держит руль, кто свёртывает парус,
 кто воду черпает. Когда же слишком сильно
 пучина бесится, то, покоровшись року,
 они вверяют жизнь волнам быстробегущим.
 Так делаю и я во время бури бедствий,
 стою безмолвная и рот мой замыкаю,
 уж очень мощен вал, ниспосланный богами.
 Не надо, милая, о Гекторе крушиться,
 ты не вернёшь его рыданьями своими.
 С хозяином своим веди себя послушно
 и красоту свою используй, как приманку.
 Ты этим всех друзей порадуешь немало,
 и внука моего защитником великим
 для Трои вырастишь, и будут в Илионе
 потомки наши жить, и возродится город!
 Но этот разговор другим смениться должен,
 я вижу, к нам опять слуга идёт ахейский,

Хор

Гек.

- сейчас доложит нам, что там опять решили.
- Тал. Супруга Гектора, фригийского столпа,
не проклинай меня! Веленье Пелопидов
и всех данайских сил мне тошно объявлять.
- Анд. Что хочешь ты сказать? Зловещее вступление...
- Тал. Решили, что твой сын... Как мне найти слова?
- Анд. Вы отдали его другому господину?
- Тал. Не будет им владеть ахеец ни один.
- Анд. Он здесь останется, последним из фригийцев?
- Тал. Ума не приложу, как всё тебе сказать.
- Анд. Хвалю тебя за такт, но хватит колебаться!
- Тал. Сынок твой обречён. Такая вот беда.
- Анд. Ах, боги светлые! Что ныне брак мой горький!
- Тал. На это Одиссей всех эллинов склонил...
- Анд. Ай-ай! Как тошно мне! Беда, беда без меры!
- Тал. ...сказав, что мстителя нам нужно не кормить...
- Анд. Пусть это говорят и о его потомстве!
- Тал. ...но, в Трою отведя, там сбросить со стены.
Всё так и сделают. Веди себя разумней,
за сына не держись. Будь стойкой перед злом
и в слабости своей не притворяйся сильной.
Нет помощи тебе. Прими свою судьбу.
Вдова бездомная, ты вся под нашей властью,
и с женщиной одной мы справимся, поверь,
ты опрометчиво не начинай сраженье,
чтоб опозориться и всем противной стать.
Я не советую и проклинать ахейцев.
Разгневав армию, ты сыну своему
откажешь и в земле, и в плаче погребальном.
Но если промолчишь и подчинишься нам,
то не оставишь ты ребёнка без могилы
и уважение в ахейцах укрепишь.
- Анд. Любимый мальчик мой! Бесценный, ненаглядный!
На гибель ты уйдёшь, мать бедную покинешь!
Ты был приговорён той доблестью отцовой,
которая других спасала, защищала,
тебе же пользы нет в твоём отце бесстрашном!
Мой злополучный брак, несчастное венчанье,
приведшее меня в дом Гектора когда-то!
Я сына родила не для ножа данайцев,
но чтобы Азией он правил плодородной!
Ты плачешь, мальчик мой? Свою судьбу ты знаешь?
Что ты хватаешься за пеплос мой, за руки,
под мамино крыло хоронишься, как птенчик?
Ни Гектор не придёт с копьём его преславным
из глубины земли, неся тебе спасенье,
ни родственник отца, ни армия фригийцев!
Паденье тяжкое с высот головоломных
без всякой жалости твой дух из тела вырвет!
Сокровище моё! Сыночек мой любимый!

- Как сладко пахнешь ты! Зачем своею грудью
 тебя кормила я? Зачем и пеленала?
 Зачем и не спала, трудилась, надрывалась?
 Целуй же мамочку в последний раз, мой мальчик,
 прижмись к моей груди, набрось на шею ручки,
 прильни к моим губам всем ротиком любимым!
 Нет, вы не эллины! Вы варвары, вы звери!
 Зачем вы губите невинного ребёнка?
 Дочь Тиндареева, в тебе нет крови Зевса,
 но свора демонов тебе дала рожденье,
 несущих мщение, и зависть, и убийство,
 и смерть, и всё то зло, что в мире происходит!
 Родитель твой не Зевс! Я это утверждаю!
 Ты слишком пагубна и варварам, и грекам!
 Умри же, наконец! Ты вывела фригийцев
 глазами дивными на поле смерти славной!
 Хватайте мальчика! Бросайте, если надо!
 Сожрите плоть его! Нам боги посылают
 мучительный конец, и не спасти мне сына!
 Рыдающую мать на пристань уведите,
 швырните на корабль! Она плывёт венчаться,
 готовясь к торжеству и потеряв ребёнка!
 Хор Ах, Троя бедная! Из-за тлетворной связи
 с нечистой женщиной как много тут погибло!
- Тал. Ну, дитя, покидай обруч любящих рук
 и несчастную мать! Поднимайся наверх,
 к венценосным камням родового гнезда,
 чтобы дух испустить по велению судьбы!
 Отведите его! Нужно вестником быть
 лишь тому человеку, в ком жалости нет
 и кто дружит с бесстыдством, моей же душе
 отвратительны мерзкие эти дела!
- Гек. Внук мой бедный! Злосчастного сына дитя!
 Как злодейски мы будем тебя лишены,
 мать и я! Что со мной? Что мне делать, скажи,
 мой страдалец? Я жертву тебе приношу,
 ударяя себя по лицу, по груди!
 Это всё, что могу я! Мой город родной!
 Как мне жалко тебя! Как не мучились мы?
 Что нам нужно ещё, чтобы полностью пасть,
 прекратиться, стереться, рассыпаться в прах?
- Хор Кормящего пчёл Саламина доблестный царь Теламон,
 ты с острова, хлябью морской омытого
 рядом с холмами святыми, где показала оливу
 в давнее время Афина серой ветвью,
 чистым небесным венцом, украшеньем Афин благодатных,
 пришёл, пришёл, чтоб общую славу снискать
 с чадом Алкмены, лучником,

и разорить Илион, спалить наш родной Илион,
из Элладской земли явившись!

Когда цвет Эллады привёл он, гневаясь из-за коней,
то на Симоэнте широком высушил
он мореходные вёсла, с палубы бросил канаты,
поднял свой лук безупречный с досок влажных –
Лаомедонтову смерть, и умелое зодчество Феба
огнём, огнём, багряным дыханием сжёт,
Трою разграбил полностью!
Так что два раза уже под острым, кровавым копьём
в прах дарданские стены пали!

Напрасно ты чаши золотые изящно разносишь,
Лаомедонтова кровь,
Зевсовы кубки вином наполняя с прекрасным усердьем!
Милый твой город сжигается пламенем,
там же, над бухтой морской,
не скорбный крик слышится
птицы без птенцов, но плач
по мужьям, по милым детям
и по матерям-старухам.
Нет купален, водою полных,
нет и ристалищ твоих.
Пока, блаженство получив,
у трона Зевса ты сидишь
с ясным, спокойным лицом,
на элладском копье Приамов город гибнет!

Эрот, Эрот! Во дворец дарданский пришёл ты когда-то,
следуя воле небес!
Как же тогда и вознёс, и прославил ты гордую Трою,
браком с богами связал! Как не хочется
Зевса теперь мне стыдить!
Но свет убивающий
крыл Гемеры, белый свет,
милый людям, видел землю,
видел и Пергам сожжённый,
а ведь муж, с ней детей зачавший,
в спальню от нас улетел
на златозвёздной четверне,
и колесница та дала
родине столько надежд,
но приелось богам очарованье Трои!

МЕНЕЛАЙ

О, солнца ясного великолепный свет,
который озарит жену в моих объятьях,
Елену! Сколько бед познал из-за неё
несчастный Менелай! Как билась рать ахейн!

Не из-за женщины на Трою я пошёл,
 как люди думают, а чтоб злодея-гостя,
 растлителя жены, поймать и наказать!
 Но волею богов и сам понёс он кару,
 и пал народ его под эллинским копьём!
 Теперь лаконянку (мне как-то неприятно
 такую женщину супругой называть)
 отправлю я домой. В шатре она томится,
 к троянским пленницам причислена, как все.
 От храбрых воинов, копьём её добывших,
 я право получил и заколоть её,
 и в Аргос отвезти. Решение за мною.
 Мы в Трое всё ещё. Здесь как-то недосуг
 Елене этой мстить. На корабле в Элладу
 я увезу её, а там уже убью
 за всех моих друзей, под Илионом павших!
 Эй, слуги! Все в шатёр! Найти её, схватить
 и выволочь сюда, кровавейшую стерву!
 За волосы тащить! Лишь только загудит
 попутный ветерок, помчимся мы в Элладу!
 Гек. Опора всей земли, живущий над землёй
 непостижимый Зевс! Пускай ты плод природной
 необходимости, пускай ты просто мысль,
 но я молюсь тебе! Идя тропой беззвучной,
 ты к людям на земле и добр, и справедлив!
 Мен. Что это за слова и странные молитвы?
 Гек. Как прав ты, Менелай! Убей свою жену!
 Но прячься от неё! Ты снова распалишься!
 Она томит мужчин, пленяет города,
 сжигает каждый дом своим очарованьем,
 как знаем я и ты, и все, кто пострадал!

ЕЛЕНА

Послушай, Менелай! Вступление такое
 мне душу холодит! Меня в шатре широком
 твои прислужники схватили, потащили!
 Понятно всем уже, что я тебе противна,
 но я хочу спросить, какое правосудье
 решили эллины над женщиной устроить?
 Мен. Чего же там решать? Мне ратники сказали,
 чтоб я тебя убил. Ты ненавистна войску.
 Ел. А можно доказать немногими словами,
 что будет казнь моя поступком нечестивым?
 Мен. Я убивать пришёл, а не стоять и спорить!
 Гек. Позволь ей, Менелай! Не отпускай злодейку
 голодной до речей! Я тоже бы хотела
 с ней перемолвиться. Всех дел её троянских
 ещё не знаешь ты. Когда всё вместе сложишь,
 то и убьёшь её. Спасения не будет!
 Мен. Подарку моему потребуется время,

Ел.

но я его дарю, чтоб ты поговорила,
а с этой женщиной не стал бы я считаться.
Что б ни сказала я, нелепость или дело,
ты, верно, всё презришь, меня врагом считая,
но доводы свои я выскажу открыто
в ответ на те слова, которыми ты хочешь
меня испепелить, бросая мне упрёки.
Вот эта женщина устроила всё горе,
Париса породив! Старик же уничтожил
и Трою, и меня, не погасив младенца,
тот факел горестный, что назван Александром!
И дальше я скажу, а ты меня послушай.
Когда он трёх богинь рассуживать пытался,
то дар Паллады был, что поведёт фригийцев
на битву Александр и покорит Элладу,
а Гера славная всю Азию с Европой,
вплоть до морских границ, Парису обещала.
Киприда же, хваля мой образ распрекрасный,
меня давала в дар, желая двух соперниц
осилить красотой. Так что же получилось?
Киприда верх взяла, и брак мой всей Элладе
благоприятствовал! Под варварское иго
вы не подведены ни копьями, ни палкой!
Элладе хорошо, меня же погубила
торговля красотой. Вам нужно не позорить,
но голову мою венком украсить пышным!
Готов ты возразить, что я молчу о главном,
о том, как я тайком из дома убежала.
Не с мелким божеством за мной тогда явился
коварный демон мой, ты называй как хочешь
мерзавца этого, Парисом, Александром.
Ты сам впустил его и, как дурак последний,
на Крит отправился, покинув нашу Спарту!
Что толку объяснять...
Я не тебя спрошу, но собственное сердце:
зачем же я ушла с каким-то чужеземцем,
зачем пренебрегла и родиной, и домом?
Богиню покарай и будь сильнее Зевса,
который, властвуя над всеми божествами,
сам стал её рабом, а мне даруй прощенье!
В запасе у тебя один изящный довод –
как только Александр положен был в могилу
и кончился мой брак, назначенный богами,
зачем я не ушла к твоим судам аргосским?
Я и хотела так! Свидетелей спросите,
и стражей у ворот, и часовых на стенах,
всегда мешавших мне, когда я с бастионов,
стараясь не шуметь, спускалась по верёвкам!
Потом другой супруг мне грубо навязался,
презренный Деифоб, наперекор фригийцам!

Так неужели, муж, я заслужила гибель
 <и лезвие меча за все мои страдания?>
 Где правота твоя? Присвоена супругом,
 была я в городе не даром за победу,
 но жалкою рабой! Ты хочешь над богами
 душою вознестись? Какой же ты невежа!
 Царица, защити своих детей и город!
 Все доводы разрушь, которыми злодейка
 украсилась теперь! Всё это так ужасно!
 Союзницей богинь я стану поначалу
 и покажу всю ложь нахальной этой твари.
 Ни Гера славная, ни чистая Паллада
 не могут никогда пойти на эту глупость,
 чтоб Гера продала свой Аргос чужеземцам,
 а Дева принесла фригийский кнут в Афины,
 и чтоб, как девочки, бахвалясь красотой,
 на Иду забрались великие богини!
 Зачем владычице себя с другими мерить?
 Чтоб мужа получить могущественней Зевса?
 И разве совратить захочется Афине
 кого-то из богов? Она сама просила
 дар девства у отца! Ты очернением неба
 себя не высветляй! Разумных не обманешь!
 Киприда, говоришь (как тут не засмеяться),
 ребёнка моего водила к Менелаю!
 Зачем так мучиться? Она могла бы с неба
 доставить в Илион тебя и все Амиклы!
 Мой сын красавцем был. Как только вы столкнулись,
 твой ум и сделался божественной Кипридой!
 Все люди свой разврат на Афродиту валят
 и путают её с безумной Афросиной!
 Увидев юношу в заморских одеяньях,
 блиставших золотом, совсем ты ошалела.
 Ты в Аргосе жила без роскоши особой,
 вот и надеялась удрать из вашей Спарты
 и в золотой реке, по Фригии текущей,
 наполоскаться всласть! Да разве утолил бы
 твой голод Менелай с его простым хозяйством?
 Чего там говорить! Ты сына обвиняешь,
 мол, он тебя украл. А кто вас видел в Спарте?
 А ты кричала ли? Был жив ещё и Кастор,
 и брат его, близнец! Все рядом, не на звёздах!
 В троянской крепости, когда уже аргивцы
 шли по пятам твоим и затрещали копья,
 при первых новостях о славе Менелая
 хвалила ты его и огорчала сына,
 имевшего в любви соперника такого,
 а Троя верх брала – твой грек в ничто сжимался!
 За счастьем ты гналась и следовала зову
 благополучия. Плевать на добродетель!

И заявляешь ты, что с башен по верёвкам
спускалась, бедная, что ты в неволе чахла!
Где видели тебя, как ты в удавку лезла,
как ты точила меч? По милому тоскуя,
так поступила бы достойная супруга!
Как часто я тебя просила, умоляла:
«Иди же, доченька! Есть и другие жёны
для сыновей моих! Тебе к судам ахейским
сбежать я помогу! Закончи эту бойню
с войсками эллинов!» Но был совет мой горьким.
Как ты куражилась в хоромах Александра,
как ты от варваров ждала подобострастья!
Ты славно пожила! Теперь же, разрядившись,
являешься сюда, смотря на то же небо,
что и твой бывший муж, негодная ты стерва!
Тебе бы к нам прийти в каких-нибудь лохмотьях,
от страха трепеща, с обритой головою,
и не бахвалясь так, но со стыда сгорая
за кучу подлостей, тобою совершённых!
Послушай, Менелай, как я закончу слово:
ты верен будь себе и увенчай Элладу,
прирезав эту тварь! Пускай все жёны знают,
что смертью кончится предательство супруга!

Хор
Воздай же, Менелай, за дом твой и за предков,
и отомсти жене! Пускай не обвиняют
Элладу в слабости! Возвысься над врагами!

Мен.
Твои суждения слились в одно с моими.
По воле собственной она ушла из дома
с любовником своим, а речи о Киприде –
пустая болтовня. Тебя побьют камнями,
отплата малая за весь твой вред ахейцам.
Узнаешь, наконец, как честь мою порочить!

Ел.
Я у колен твоих! Не шли меня на гибель
из-за больных богинь! Прости меня! Помилуй!

Гек.
Не предавай друзей, из-за неё погибших!
Я и за них молю, и за детей родимых!

Мен.
Довольно, старая! Она меня не тронет!
Я слугам прикажу, чтоб отвели злодейку
на быстрый мой корабль. Придётся ей поплавать!

Гек.
Ты с нею не ходи на том же самом судне!

Мен.
А почему же нет? В ней стало больше веса?

Гек.
Кто некогда любил, тот любит неизменно.

Мен.
Зависит от того, что в сердце у любимых.
Но будь по-твоему. Я не взойду на судно,
где будет плыть она. Твои слова толковы.
В наш Аргос возвратись, она умрёт с позором,
как все преступники, урок благоразумья
всем жёнам преподав! Таких учить непросто,
но смерть развратницы и худшим негодьякам
покажет что почём и голову прочистит!

Хор

Значит, Зевс, ты вручил и храм
 в Илионе, и свой алтарь
 благовонный ахейцам,
 и огонь приносимых жертв,
 и дым смирны, летящий ввысь,
 и Пергам твой священный,
 и сшитые плющом идейские долины,
 и в них журчащий талый снег,
 и первый, дальний блеск зари,
 светом затопленный дом величайших богов?

Нет ни жертв, ни звучанья лир,
 ни танцоров, пьянящих дух
 на полночных гуляньях,
 нет ни идолов золотых,
 ни двенадцати круглых лун
 во фригийских молельнях!
 Вот это, это мне, владыка, сердце гложет –
 на троне сидя в небесах,
 ты помнишь ли про город наш,
 ставший под натиском пламени грудой золы?

Муж мой любимый, родной,
 ты бродишь, неомытый,
 неупокоенный, а я на судне, вёртком
 и вёслами оперённом,
 отправлюсь в Аргос коневодный,
 к стенам Киклоповым, царапающим небо!
 А дети грудой у ворот
 льнут к матерям своим, и плачут, и взывают:
 «Мамочка! Милая! Вот увезут меня
 с глаз твоих ахеяне
 на корабле тёмно-синем,
 вёслами море кромсая,
 либо в святой Саламин,
 либо к истмийским вратам,
 делящим влагу морей,
 где высится Пелопов дом!»

Пусть в Менелаев корабль
 обеими руками
 метнут святой огонь, пусть на волнах эгейских
 дымятся обломки вёсел,
 пока меня из Илиона
 увозят эллины рабыней многослёзной,
 а в золотые зеркала,
 усладу девушек, дочь Зевсова глядится!
 Да не увидит наш враг ни Лаконии,
 ни любимой родины,
 ни знаменитой Питаны,

ни медновратной богини,
мерзостным браком черня
славу Эллады своей,
скорбные крики плодя
у Симонтовых быстрин!

Ах, боже мой!
Горе новое к прежнему горю
примешалось! Троянки, взгляните
на убитого Астианакта!
Он был брошен, как диск безотрадный,
с верха башен руками данайцев!

Тал. Гекуба, наш корабль один стоит на вёслах,
готовый с остальной добычей Ахиллида
к побережью фтийскому свой лёгкий бег направить,
а сам Неоптолем уже умчался в море,
услышав о беде, случившейся с Пелеем –
сын Пелия, Акаст, изгнал его из царства.
Герой, преодолев желанье задержаться,
уехал сразу же, забрав и Андромуху,
которая меня заставила поплакать,
стена горестно, руками обнимая
могилу Гектора, и с родиной прощаясь,
и сына Гектора, разбившегося насмерть,
кидаясь погребать с произволения мужа,
и медноспинный щит, ахейцев так пугавший,
который на плече носил отец ребёнка,
моля не увозить в Пелеевы покои,
в ту спальню брачную, где будет Андромуху,
мать сына мёртвого, тот щит печалью ранить,
но пусть кедровый гроб и надмогильный камень
заменит мальчику вот этот щит отцовский.
Ты мёртвого сама нарядишь в чистый пеплос,
украшишь и венком, насколько хватит силы,
ведь мать уехала, и спешка господина
ей не позволила похоронить ребёнка.
Ты тело обряжай, а мы его зароем
и в знак почтения копьём украсим насыпь.
Давай же, поскорей закончи все обряды,
от одного из них я смог тебя избавить,
уже сходил я вниз, к бурлящему Скамандру,
и вымыл мёртвого, и выполоскал раны.
Теперь же я пойду и вырою могилу,
так сможем ты и я, объединив усилия,
к родимым берегам скорей направить вёсла!

Гек. Поставь щит Гектора, прекрасно закруглённый,
на землю. Горький вид, и не отрадный взору.
От ратной доблести затмился ваш рассудок.
Вы что, ахеяне, ребёнка испугались?

Зачем губить его? Боялись вы, что Троию
 он сможет возродить? Вы армия ничтожеств!
 Когда в сражениях мой Гектор был успешен
 и вёл громаду войск, вы храбро нас кромсали,
 теперь же город взят, фригийцы перебиты,
 а вы пугаетесь невинного ребёнка?
 Я презираю тех, кто трусит без причины!
 Мой мальчик дорогой, как эта смерть ужасна!
 Когда бы ты погиб за свой родимый город,
 и молод, и женат, и властью равен богу,
 то был бы ты блажен возможным здесь блаженством,
 но счастье ты познал одной душой, ребёнок,
 не воплотив его в твоём законном доме.
 Как голову твою несчастную остригли
 круги отцовских стен и Локсиевы башни!
 Как этот сад волос растила, целовала
 мать нежная твоя! Теперь под ними рана
 смеётся алым ртом! Какой же образ гадкий...
 Ах, руки милые, подобье рук отцовых,
 как вяло вы теперь передо мной лежите!
 Ах, рот возлюбленный, бурливший похвальбами!
 Ты лгал мне, мальчик мой, в постель мою забравшись:
 «Послушай, бабушка, я локоны обрежу,
 как только вырасту, и на твою могилу
 тебе их принесу, ведя друзей отважных!»
 Нет, маленький, не ты, но я тебя зарюю,
 старуха сирая, без родины, без дома!
 Объятыя нежные, бессонница, кормленье –
 всё было попусту! И что поэт напишет
 однажды на твоей запущенной могиле?
 «Ребёнка этого прикончили ахейцы
 из страха перед ним»? Какой позор Элладе!
 Наследства ты лишён, но в ивовой гробнице
 отцовского щита ты заблесташь медью!
 Ты руку Гектора, его прекрасный локоть
 хранил надёжно, щит! Где твой хозяин смелый?
 На ручке у тебя отрадный след от пальцев,
 твой дивный ободок от капель пота выцвел,
 струившихся со лба, когда тебя мой Гектор
 касался бородой в сраженьях непрерывных!
 Несите же наряд, пожертвуйте страдальцу
 всем, что найдётся здесь! Нам боги не позволят
 особой роскоши. Возьмёшь ты, что имею.
 Безумен человек, ликующий при мысли
 о благе на всю жизнь. Удача так похожа
 на бесноватую, которая несётся,
 не ведая куда! Счастливец нет на свете!
 Хор Смотри, уже несут фригийские наряды,
 вам возвращённые! Одень же труп ребёнка!
 Гек. Не за победу, внук, ни в быстрой колеснице,

- ни меткою стрелой на состязаньях, милых фригийским юношам, но без излишней страсти, ты матерью отца теперь украшен будешь! Ведь это твой наряд, Еленой богомерзкой у нас отобранный! Она тебя и жизни лишила, гадкая, и весь твой род сгубила!
- Хор
Э! Э! Сердце ты прожгла мне, прожгла! Каким бы он был великим царём!
- Гек.
Фригийским пеплосом, которым я мечтала тебя облечь, мой внук, для брака со знатнейшей невестой Азии, я труп твой украшаю. И ты, победный щит, родитель плодовитый триумфов боевых! Тебя любил мой Гектор! И ты прими венки! Иди, не мёртвый, с мёртвым! Насколько ты ценней доспехов Одиссея, которыми почтён мерзавец тот премудрый!
- Хор
Ай-ай! Ай-ай!
Твой труп оплаканный возьмёт земля, мой родной!
Стеная же, мать! Гек. Ай-ай! Ай-ай!
- Хор
По мёртвым плачь! Гек. Ах, боже мой!
- Хор
Ты будешь всегда, всегда горевать!
- Гек.
Я раны страшные повязками врачую, но врач я никакой, несчастный, бесполезный!
Пускай тебя отец врачует в мире мёртвых!
- Хор
Бей, бей себя по голове тяжёлой рукой!
Ах, что за напасть!
- Гек.
Подруги драгоценные!
- Хор
Гекуба, скажи! Что стонешь ты так?
- Гек.
Похоже, у богов занятя нет иного, как истязать меня и ненависть народов на Трою призывать! Зря бычья кровь струилась! Но если бы нас бог не повалил на землю, мы не блистали бы, нам гимнов бы не пели, не прославляли бы в далёких поколениях! Несите мальчика к его могиле жалкой, украшен он венком, чего ещё там нужно? Умёрших, думаю, не больно-то заботит, как погребают их, богато или бедно, одни живущие обрядами кичатся.
- Хор
О! О!
Сколько смелых надежд материнских уничтожено смертью твоею!
Ты явился для высшего счастья, благородным отцом порождённый, но погиб так бесславно, так страшно!
Э! Э!

Что за люди на башнях троянских
с факелами горящими скачут,
как безумцы? Какое несчастье
приключается вновь с Илионом?

- Тал. Лохагам я скажу, которым приказали
Приамов город сжечь. Не надо больше медлить!
Давайте, жгите всё! Распространяйте пламя!
Испечем уже весь город илионский,
чтоб радостно домой отправиться из Трои!
А к вам относится вторая часть приказа,
троянки пленные! Как только трубным звуком
военачальники назначат время сбора,
к ахейским кораблям немедленно ступайте!
Да и тебе пора, несчастная старуха!
Вон видишь, за тобой пришли от Одиссея,
твой жребий – быть рабой в его краю далёком!
- Гек. Какое горе мне! Вот и предел последний,
достойнейший венец моих страданий горьких –
покинуть родину, пока мой дом пылает!
Но, дряхлая нога, расшевелись немного,
с любимым городом позволь мне попрощаться!
Каким величием среди варваров дышала
ты, Троя милая! Осталась в прошлом слава!
Тебя палят огнём, а нас уводят в рабство!
О, боги! Но зачем богов я призываю?
Когда они с высот на зов мой откликались?
Так бросимся в огонь! Умрём прекрасной смертью,
с горящей родиной сливаясь воедино!
- Хор В страданиях, бедная, твой разум помутился!
Берите пленницу, ведите к Одиссею,
пусть награду он получит прямо в руки!
- Гек. От-то-то-то-то-той!
Властитель Фригии, Кронид!
Отвечай нам, отец,
чем заслужил дарданский край те бедствия, что видишь ты?
- Хор Он видит, но великий град
не град уже! Погибло царство! Трои нет!
- Гек. От-то-то-то-то-той!
Пылает славный Илион,
Пергамские дома сжигаются пожаром,
и город, и короны стен!
- Хор Копьём пронзённая земля
бледнеет, словно дым, хрустя крылом небесным!
Огонь гуляет по дворцам,
разбитым пиками врага!

Гек. Земля, родившая моих детей любимых!
Хор Э! Э!
Гек. Услышьте мать свою! Узнайте голос, дети!
Хор Рыданьем жалобным ты призываешь мёртвых!
Гек. Простёршись на земле всем этим дряхлым телом
и ударяя в пыль обеими руками!
Хор А мы вслед за тобой колени преклоняем
и наших сгубленных мужей зовём из мрака подземелья!
Гек. Меня уводят прочь! Хор Крик с болью, с болью смешан!
Гек. В дом рабства горького! Хор Из милой нам отчизны!
Гек. А! А! Приам! Приам!
Ты мёртв! Непогребён! Лишён друзей любимых!
Не знаешь ты, как я скорблю!
Хор Смерть чёрная твои глаза
покрыла праведным, неправедным закланьем!

Гек. Святилища богов! Родной, любимый город!
Хор Э! Э!
Гек. В кровавом пламени! Под гущей вражьих копий!
Хор Вас ждёт уже земля, погибших, безымянных!
Гек. Как дымное крыло, взлетает пыль к эфиру
и милые дома от взора заслоняет!
Хор Названье родины нескладным звуком стало,
всё перемешано вверх дном, и нет уже несчастной Трои!
Гек. Вы это слышали? Хор Пергам на землю рухнул!
Гек. Повсюду грохот, лязг! Хор Обрушился весь город!
Гек. Э! <Э!> Беда! Беда!
Шагай уже вперёд, измученное тело,
и рабство горькое встречай!
Хор Несчастный город наш, прощай!
А нам уже пора! Идём к судам ахейцев!

Брисбен, 10.12.2018 – 25.03.2019